ЛЮБЕЗНЫЙ МНЕ ГОРОД ВИТЕБСК...

МЕМУАРЫ И ДОКУМЕНТЫ

КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКА

ЛЮБЕЗНЫЙ МНЕ ГОРОД ВИТЕБСК...

Мемуары и документы

конец XVIII - начало XIX века

Вступительная статья, научные комментарии,
составление, публикация
В. А. Шишанова

Минск
Асобны дах
2005

УДК 94(476.5-25)
ББК 63.3(4Бел)
Л93

Рецензент:
декан ФДП ИПК и ПК, доцент кафедры истории Беларуси
УО «ВГУ им. П. М. Машерова», кандидат исторических наук
Т. С. Бубенько

Любезный мне город Витебск... : мемуары и док.: кон. XVIII
Л93 — нач. XIX в. / вступ. ст., науч. коммент., сост., публ.
В.А. Шишанова. — Мн.: Асобны Дах, 2005. — 40 с.

ISBN 985-505-502-031-6

Вошедший в издание отрывок из воспоминаний Шишкина С. А. (1762-1833) освещает малоисследованный период становления Витебска как административного центра одноименной губернии и является интересным памятником мемуарной литературы, раскрывающим образ жизни и ментальность русского дворянства своего времени.

Для историков, краеведов и студентов, занимающихся изучением истории Беларуси XIX в.

УДК 94(476.5-25)
ББК 63.3(4Бел)

ISBN 985-505-502-031-6

ЖИЗНЬ С. А. ШИШКИНА, ИЛИ «ЛЮБЕЗНЫЙ МНЕ ГОРОД ВИТЕБСК»

В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в С.-Петербурге (ОР РНБ) хранится тетрадь с мемуарами, незамысловато озаглавленными автором «Жизнь С. А. Шишкина» (ф.536, Q.616). В истории Витебска Сергей Алексеевич Шишкин (15 августа 1762 – 6 января 1833) занимает особое место – этот человек в 1802 году стал первым витебским гражданским губернатором после раздела Белорусской губернии на Витебскую и Могилевскую.

Витебск приобрел статус губернского города еще в 1796 году благодаря усилиям белорусского генерал-губернатора И. И. Михельсона, который в докладе императору смог найти доводы в пользу Витебска, исключив тем самым Полоцк из претендентов на звание «столицы» Белорусской губернии (просуществовала с 1796 по 1802 год). Но только после 1802 года и во многом благодаря усилиям Шишкина Витебск получил толчок в своем развитии и с течением времени смог стать крупным административным, экономическим и культурным центром.

Рукопись С. А. Шишкина не так велика, в ней насчитывается всего 79 тетрадных листов. Повествование начинается с указания на то, что род ведет свою историю от 1586 года, но, не останавливаясь на далеких предках, автор кратко сообщает о ближайших родственниках – деде Афанасии Григорьевиче, отце Алексее Афанасьевиче. Отец Шишкина служил в артиллерии и до своей безвременной кончины в 1768 году, в возрасте 22 лет, успел дослужиться до капитана.

Далее автор переходит к описанию собственной жизни, доведя его до 1814 года и, вероятно, к этому времени относится написание мемуаров. В 1772 году, 9 лет от роду, Сергей Алексеевич был записан сержантом в артиллерию. Затем переведен капралом в лейб-гвардии Измайловский полк. В 1794 году Шишкин получил звание капитана, но вскоре перешел на гражданскую службу. В мае 1796 года был пожалован в смоленские вице-губернаторы, а в апреле 1800-го – советником в Ассигнационный банк.

Следующим местом службы Шишкина стал Витебск. Этот период продолжается с 1802 по 1808 год, и в рукописи рассказ

об этом занимает 31 лист. Сергей Алексеевич довольно подробно останавливается на обстоятельствах своей жизни и деятельности в городе, на пребывании в нем особ императорской фамилии (императора Александра I, великого князя Константина Павловича), видных государственных и военных деятелей России (А. М. Римского-Корсакова, И. И. Михельсона, Ф. Ф. Буксгевдена, М. М. Сперанского и других).

Незаслуженно обойденный вниманием императора, Шишкин подает в отставку и 7 января 1808 года с сожалением покидает город: «Я [С. А. Шишкин – *В.Ш.*] со слезами оглядывался на любезный мне город Витебск, мною устроенный и в котором я весело живал». О себе губернатор оставил добрую память, и современники высоко отзывались о его человеческих и деловых качествах. Остаток жизни Сергей Алексеевич провел в своих деревнях в Тверской губернии, где был избран предводителем дворянства. Здесь же в июле 1809 года он женился на вдове Т. А. Гедеоновой. Похоронен С. А. Шишкин в Москве, в Даниловом монастыре.

Воспоминания Шишкина – интересный памятник мемуарной литературы, в котором раскрывается образ жизни и ментальность русского дворянства своего времени, но настоящее издание предпринимается, прежде всего, с целью ввести в научный оборот ранее не публиковавшийся источник, освещающий малоисследованный период в истории Витебска и представляющий особую ценность для витеблян. В связи с этим публикуется лишь та часть рукописи, в которой повествуется о витебских годах жизни Шишкина. В приложении помещен отрывок из мемуаров Гаврила Добрынина с характеристикой С. А. Шишкина и некоторые другие документальные источники, содержащие описания Витебска последней четверти XVIII – начала XIX веков.

Правописание приведено в соответствие с современными нормами, с сохранением отчасти авторской редакции. Грамматические ошибки исправлены без оговорок. Слова сокращенные или недописанные автором, а также реконструированные раскрываются в угловых скобках. В текст С. А. Шишкина внесены необходимые правки для смысловой группировки предложений.

Валерий Шишанов

ИЗ МЕМУАРОВ С. А. ШИШКИНА

<...> В 1802 году, в июле месяце, назначен витебским губернатором[1]. Государь был столь ко мне милостив, были вакансии в Архангельске и в Олонце, он изволил сказать: «Ему будет там скучно. В Польше веселее». Пожаловал мне на проезд 3000 р. и я 20 июля отправился к должности.

Приездом в Витебск – нахожу город небольшой, грязный, мостовые деревянные, населен бедными жидами. Доходу городского 13 тысяч, расходу – 16, долгу на городской думе 30 тысяч. Военный губернатор оной губернии и могилевской Александр Михайлович Римский-Корсаков.[2] Он имел свое пребывание в Могилеве.

Как скоро я был пожалован в губернаторы, я из Петербурга писал к нему рекомендательное письмо, и при приезде моем уже нашел его ответ в самых лестных для меня выражениях. Мне хотелось ехать в Могилев, чтобы сделать личное с ним знакомство, но в конце августа получил я известие, что великий князь Константин Павлович[3] будет проезжать через Витебск в Махновку; оставил сие намерение и поехал до границы Псковской губернии осматривать дороги, потом начал делать приготовления к приему Его Им<ператорского> высоч<ества>. Генерал Корсаков сам к тому времени приехал в Витебск, но Его высочество, 5 сент<ября> приехав, переменил только лошадей и отправился в дальнейший путь.

Алек<сандр> Мих<айлович> очень был доволен всем, что видел приготовленного, как то домом и дорогами, осыпал меня похвалами, ласками и через несколько дней поехал в Могилев.

Первое мое старание было войти в дело и возвысить городской доход, также заплатить думные долги. Винная продажа была на вере – и я вызвал желающих взять оную на откуп. На торгах всех больше дал ст<атский> сов<етник> Гласко – 25 тысяч в год. Представил о сем в Сенат и к военному губернатору, чрез несколько времени оное утверждено, и так прибавилось городу 12 тысяч доходу. Потом я приложил старание к регулярству оного.

Алек<сандр> Мих<айлович> Корсаков был мною доволен и, когда приезжал в Витебск, говорил, что он приезжает отдохнуть, в Могилеве только у него было и разговоров, что о Витебске и оного губернаторе, что могилевскому губ<ернатору> Бакунину[4] было весьма неприятно.

Будучи один, занимаясь делами, нужна и рассеянность. Я познакомился со всеми тут живущими, между прочими была тут одна вдова-шамбелянша[5] Лускина Леонетта Осиповна, женщина хорошо воспитанная, она дочь кастеляна Селицкого,[6] приятного очень обхождения, веселого нраву. Мне очень не скучно было быть с нею. Я завел клуб, где записанный член платил только 25 р., дамы же благородные имели вход gratis[7]. Оное заведение непременно нужно в губернских городах, обитаемых небогатыми людьми. Принимать у себя компании требует больших издержек, притом, не все бывают промежду собой согласны, то вместо удовольствия выходят истории, звать же всегда к себе губернатору – сие единобразие наскучит, а в клубе всякой хозяин и может делать, что ему угодно.

Сие заведение всем отменно полюбилось: всякую неделю собирались два раза – в воскресенье и четверг. На масленицу и на святках бывали такие маскарады, в коих и купечество имело вход.

В городе тотчас приметили мою учтивость к шамбелянше, и везде, где я был зван, она играла первую ролю. Наконец, на одном бале я с нею танцую. Она говорит мне, что она очень чувствительна за все учтивости, кои я ей оказывал, но она меня считает за очень честного человека и не думает, чтобы оное к чему непозволительному клонилось, что я знаю ее положение, что она молодая вдова и уже многие ей дают меня на счет, тронув сим мое любочестие. Я отвечал ей, что она не ошибается, что я в век мой ничего бесчестного не сделал. Слезы у нее навернулись на глазах, и она говорит мне: «Если б я могла сметь себе получить Вашу руку, я бы ее не отказала, но посудите мое положение». Сие так меня сконфузило, что я сделал ей предложение, прося ее, чтобы сие осталось между нами! Она вдруг занемогла и уехала с балу. На другой день я получил поздравление о своей помолве. Увидясь с нею, говорю: «От чего сие вышло?». Она

уверяла, что никому о сем не говорила, но что все имеют глаза. И так я неожидаемо в женихах. Думаю: «Что из сего выйдет?». Все о ней отзываются отменно хорошо, и я оставил на произвол судьбы. Написал к невестке моей В<варваре> И<вановне> мое наблюдение. Она отвечает, что сие зависит от моей воли, конечно, особа сия достойна, что я на сие решаюсь, что желает мне быть счастливым. Я написал к государю и получил от него через министра г<рафа> Кочубея[8] дозволение в весьма лестных выражениях, что император желает, чтоб сей брак был сопровожден со всеми выгодами и счастием.

Приближалось дело к окончанию: я всякий вечер у нее и весьма всем доволен, что, видя ласки ее ко мне, приятность в обхождении — все меня начало привязывать. В одно утро приезжаю к ней и сажусь подле ее уборного стола. Она подале меня сидя читает письмо от дяди своего маршала Цехановецкого[9] и, начав его хвалить, спрашивает, буду ли его любить? Я смело отвечаю, что я, не знав, его любить, не могу. Она, покраснев с досадою, сказала мне, что он не много потеряет, ибо вся губерния его уважает. Я будучи очень вспыльчивого нраву, сие меня взорвало: «Я думаю, заключение мое должно у Вас иметь более весу, чем чье другое!». Вижу, что она сердится, я, между тем, верчу в руках бумажку, и вышел крест. Подаю ей говоря: «Не сердитесь, вот Вам крест». Она отвечает, что она по милости моей уже его несколько времени ищет. Я отвечаю, что я им такого не накладываю, взял шляпу и ухожу. Она спрашивает: «Куда я?». «У меня дела», — отвечаю ей. Уехал в намерении тотчас прислать к ней письмо и спросить: «Если нравы наши не соглашаются, то на что нам союз?». После обеда она приезжает ко мне с одной дамою, и видно, имела намерение, что со мною говорить, но у меня нашла гостей. Вечер мы с нею случились вместе в компании, она очень не весела, я спрашиваю причину, получаю холодный ответ. Выходя, я хочу завязать ей шаль, она говорит, чтобы я себя не беспокоил. Капризы сии меня взбесили, и я положил тогда намерение, чтобы сей свадьбе не быть, только думал, каким образом честно отойти. На другой день с досады занемог — она не присылает наведываться! Я сему и рад — и я к ней не посылаю. Потом она имела мне прислать одно из Петербурга письмо, то

присылает его при записочке, где, как мимоходом, спрашивает о моем здоровье! Я ей очень учтиво пишу мою благодарность, но нежного ни слова – слышу, что она очень сердится на меня и будто желает со мной перервать. Я, чтобы избавить ее от труда, запечатал в пакет все ее письма и кольцо и послал к ней. Следствием сего были обмороки, истерики, но я избавился от несчастия и благодарил душою моего создателя.

Алек<сандр> Мих<айлович> Корсаков был тогда в Петербурге, получаю от него письмо, что он просил государя о пожаловании мне аренды.[10] И получил в ответ, что его величество с удовольствием высказаться изволил о моем служении и если оное буду продолжать с ревностным усердием, все право буду иметь на приобретение сверх жалованья испрашиваемой аренды. Чтобы я не терял надежды, что отсрочено, то не пропало!!! Обстоятельства принудили его взять другое начальство, он сделан вторым инспектором в Москву и на место его назначен к нам военным губернатором Ив<ан> Ив<анович> Михельсон.[11] Грустно мне было лишиться начальства, которого я любил. Он пишет ко мне, благодаря за дружбу мою, и что должность сия – для него причина пожалеть о той стране, где он к удовольствию своему со мной познакомился, но где бы он ни был, он везде сохранит ко мне привязанность свою.

С генералом Михельсоном мы также хорошо встретились. Он был нраву горячего, но сердца доброго и был великим политиком. Из Петербурга он приехал в невельскую свою деревню.[12] Я тотчас поехал к нему с рапортом. Сие ему отменно понравилось, осыпал меня учтивостями. В Витебске я также ему сделал пристойную его чину встречу, и дело пошло очень хорошо. Полицию отдал мне в команду, подорожные в мое же распоряжение и всякую доходную до него просьбу присылал ко мне, обходясь со мною с большим уважением и знаками дружбы. Я должен был почти всякий день у него обедать и быть вечер. Как скоро вторая часть, то и является ко мне его ординарец, что водка на столе и меня дожидаются.

Зимою приехала ко мне Вар<вара> Ив<ановна> с детьми из Нарвы и начали жить вместе. Мне очень было сие приятно, ибо

я начал принимать к себе всякий день. Даже и в вечер у нас партии делались в бостон, иногда маленький концерт, иногда танцы.

Летом я поехал в объезд своей губернии. Между тем, в Витебске клались каменные мостовые, устроились мосты, по улицам фонари, завел сад для публичного гуляния. И Ив<ан> Ив<анович> радовался моим распоряжениям и украшением города. В мое время вымощено 20 тысяч квадратных саженей, сделано четыре прекрасных моста, улицы приведены в план, гора с въезду могилевского скопана, устроена хорошая богадельня на 60 и более человек, построен и всем снабжен лазарет на 200 человек, куплен и отстроен каменный дом для губернатора[13], стоивший при мне 30 тысяч рублей. Кто видел за несколько лет сей город, тот его не узнавал. Все сие меня отменно занимало и утешало. Притом, и та ощущалась выгода, что от каменных мостовых воздух делается здоровее. Много труда стоило уверить жителей, из коих половина застарелых поляков, другая — жидов, но я иных ласкою, иных шумом до сего довел. Для самых неимущих велел собирать камень у шлагбаумов с приезжающих на рынок (на сие есть указ Великой Екатерины). Всякий крестьянин привозит в город камушек, польза двойная — город мостится, а поля очищаются. Я всякий день ходил по городу пешком и ездил верхом смотреть работы. Полицмейстер был у меня Красовский — человек весьма рачительный и строгий исполнитель приказаний начальника, то с помощью его регулярство города скоро пришло в желаемый вид.

В 1804 году генерал Михельсон в начале зимы поехал в Петербург, представил государю императору мое старание и усердие в исполнении моей должности, и я 4 марта пожалован кавалером св. Анны 1-го класса. Он столь был тем доволен, что взялся сам мне его доставить, и поспешил отъездом своим оттуда, чтобы мне его вручить 12 марта. Судить можно, сколь я сим был обрадован! Тем более, что я никакого о сем предварительного известия не имел. В сей день обедали у меня все чиновники города. Лишь обед кончили и начали подавать кофе, получил я известие о приезде Ивана Ивановича и поспешил к нему. Он встре-

тил меня по своему обыкновению очень ласково, повел меня в свой зал, и лишь вошли в комнату, он, вынув большой пакет, говорит: «Вашему превосходительству от государя». Раскрыв оный, вижу орден, ленту, звезду и высочайший рескрипт следующего содержания:

«Господин дейст<вительный> ст<атский> сов<етник> и белорусский гражданский губ<ернатор> Ш<ишкин>!

Желая наградить ревностные Ваши труды и особенное о добром управлении вверенной Вам губернии попечение, я признал за благо пожаловать Вас кавалером ордена Св. Анны первого класса, коего знак для возложения на Вас при сем препровождаю.

В Санкт-Петербурге марта 5 дня 1804 года. (На подлинном подписано так «Александр», «граф В. Кочубей»)».

Возвращаюсь домой. Вар<вара> Ив<ановна>, дети – все меня обнимают и делают со мною удовольствие. Начали все нашивать звезду, привязывать крест. Беспрестанно приезжают с поздравлением. Между тем, приходят мне сказать, что мой Ив<ан> Ив<анович> меня с нетерпением ожидает. Я поехал к нему. Он начал шампанским пить мое здоровье и брал столь великое участие, что меня сердечно тронуло и обязало ему вечною благодарностью. По улицам, где я проезжал, все кричат поздравление, приятность сию описать трудно: милость государя, благорасположение начальника, радость жителей и собственная совесть, что получил награждение не подлостью и искательством, а истинными трудами, делали мне положение мое весьма приятным.

Рвение мое еще более умножилось. Я, занимаясь делами, вставал обыкновенно в 7 часов, тотчас выходил в переднюю узнать, нет ли просителей, выслушивал их просьбы, принимал бумаги и отмечал резолюции, которые после отдавал секретарю. В 10 часов ездил в правление, исключая почтовых дней. Во 2-м часу возвращался домой, тут я занимался подписывать бумаги, кои утром отсылал в канцелярию. И был столь счастлив и любим, что всегда к обеду имел гостей и не помню, чтобы когда одной семьею сел за стол. В 6 часов опять собиралась компания на вечер. Если, когда я бывал у Ив<ана> Ив<ановича>, невестка принимала гостей. Она по болезни никуда не выезжала. И жизнь наша шла мирная и приятная.

Витебск – город очень проезжий. Я часто имел посещение от знатных вельмож, между прочими и принц Алек<сандр> Вюртембергский[14] сделал мне честь у меня обедать.

Осенью я опять имел счастье принимать его высочество Кон<стантина> Пав<ловича> проездом его в Махновку – в 1805 году.

В конце января мне захотелось побывать в Петербурге. Попросил отпуск на 20 дней и поехал, а Вар<вара> Ив<ановна> с детьми поехала в Смоленск повидаться с батюшкой своим Ив. Ф. Мезенцевым. Сия дорога много укоротила ее жизнь, ибо она очень простудилась и сделалась гораздо слабее, будучи в чахотке с давнего времени. В конце февраля я возвратился в Витебск, а г. Михельсон, встретившись со мной, поехал в Петербург. Ему препоручено было быть главнокомандующим над армией против французов. Пробыв в Петербурге, возвратился на короткое время в свое Иваново и поехал в Брест Литовский. С ним я прощался в Полоцке и с того времени остался один управлять губернией.

Сентября 11 числа 1805 прибыл государь император, изволил входить в приготовленный для него дом г-жи Литкевичевой (что ныне Северина), кушал чай и отправился в путь. Сие было в три часа пополуночи, город был иллюминирован.

14 <-го> вступили лейб-гусарские 5 эскадронов и 4 егерские роты под командою г. Кологривого.[15] Тот же день прибыл его высочество государь-цесаревич с кавалерией, состоящей из 10 эскадронов кавалергардов и конной гвардии.

15 <-го> авангард пошел вперед, его высочество делал камер-парад. Я был приглашен обедать к великому князю. После обеда вступили в город Преображенского и Семеновского полков по два батальона. Вечером город был иллюминирован. В дворянском собрании был бал, на коем его высочество много танцевал, ужинал и был очень весел.

16 <-го> пошла в поход конная гвардия и 4 батальона, а в 1 часу вступили 2 батальона лейб-гвардии Измайловского полка и 2 лейб-гренадерского. Вечером был маскарад в собрании. Город все сии проходящие полки угощал вином, говядиной и булками.

17 <-го> отправились кавалергарды измайловские и лейб-гренадерские 4 батальона, а на место их прибыл арьергард из 2 батальонов лейб-гренадер и 2 эскад<ронов> лейб-казаков.

Его высочество был ко мне очень милостив и все сии дни у меня кушать изволил. Простясь со мной, поехал вслед за войсками с Н. Ф. Хитровым.[16] 19 <-го> выступил арьергард из лейб-казаков под командой гофмаршала Озерова. Мне очень приятно было видеть множество моих знакомых.

Хотя и не без труда проводить через губернию столько полков, но должно отдать справедливость разумному распоряжению его высочества, порядок был соблюден во всей точности, подвод брали самое необходимое количество, за все плачено, никому обиды не сделано, и все единогласно говорили, что кроме удовольствия от сего прохода ничего не видали.

После Аустерлицкого сражения государь изволил возвратиться в Петербург через Витебск, где только переменил лошадей, и я один имел счастье его видеть.

Получил я повеление за собственноручным его величества подписанием о заготовлении запасного магазина в Крейцбурге, местечке барона Корфа, расстоянием от Витебска до 400 верст. Приказано было запасти 10 тыс. четвертей муки, столько же овса и 200 четвер<тей> круп. Сия операция много мне навлекла неудовольствия, беспокойства и хлопот.[17] Хотелось оную сделать с одной выгодой казне, но неудача в комиссионерах и дело о том с провиантскими чиновниками, сделали для меня сие заготовление весьма обременительным. Я сам ездил в Крейцбург. Чуть не умер от простудной горячки.

В 1806 году в феврале я имел несчастье потерять друга моего Варвару Ивановну, которая кончила свою жизнь с удивительной твердостью, прося меня при конце тело ее похоронить на немецком кладбище, подле г-жи Говен, с которой она была очень дружна. Все русские кладутся в Марковом монастыре, положение коего на берегу Двины украшено рощами и служит приятной прогулкой, то она не хотела нас лишить онаго, полагая, сколь прискорбно будет для меня и детей ее во время гулянья встретить ее могилу. Милый ее нрав, превосходные ее достоинства сделали ее потерю навсегда для

меня чувствительной и память ее драгоценной. Дай боже, чтобы дети ее были на нее похожи! К умножению моего прискорбия, оставила детей малолетних, с весьма маленьким состоянием. Наташа, Павел и Софья были у меня и ожидали Машу, которую в тоже время выпустили из монастыря, где она 9 лет воспитывалась. Но как бог всегда сирым помощник! Мадам Сафонова, почтенная женщина, осталась при детях и возможное приложила попечение к их просвещению. Машеньку из монастыря взяла Катерина Ивановна Сафонова. По просьбе моей и дома имела об ней попечение, как о дочери своей. И полоцкий полицмейстер Шасткевич брал также дочь свою из общества благородных девиц и возвращался в Полоцк. С ним и племянница моя приехала ко мне.

Между тем, в августе месяце приезжает в Витебск Шадурский – мне хороший приятель. Я прошу его, чтобы позволил живущему у него в доме учителю, весьма ученому и отличному по нравственности аббату Жиролет, взять моего племянника, на что он не токмо согласился, но крайне казался доволен за сделанную ему доверенность. Я и отпустил его в их деревню в Люцинском повете, и им как [1 неразб.] о нем равно иметь попечение, как о своих детях.

В декабре 1806 года последовал указ о составлении земской милиции в новоприобретенном крае, который еще на своих правах. Казалось сие сначала весьма трудным, но с помощью божьей, по сделанному от меня внушению, пошло наилучшим образом. Начальники выбраны, ратники готовы и евреи губернии мне вверенной внесли в пожертвование 30 тысяч рублей. Губернским начальником выбран генерал-майор фон Братк.

Прислан был сенатор Козодавлев[18], который нашел уже все в окончании и на бумаге изъявил мне благодарность за исправность. Потом прибыл из Смоленска главнокомандующий областью генерал от инфантерии к<нязь> Сергей Федорович Голицын,[19] при нем правитель канцелярии Сергеев и помощник ст<атский> сов<етник> Сумароков. Приехали они 8 марта <1807 г.> и, пробыв 3 дня, отправились в Могилев. Я был почти нездоров. Князь тотчас посетил меня. Потом приехал ко мне

обедать и казался о мне благорасположенным, но не знаю отчего, начались потом интриги. Князь захотел вмешиваться в гражданскую часть, начал спрашивать, почему такое дело производится и такой дворянин судится! Переводя милиционного начальника из Витебска в Полоцк, предписал именно, чтоб я ему велел очистить дом городничего! Я отвечаю, что, приступая к исполнению его предписания, нахожу то препятствие, что, кроме того, что тут помещается городничий, хранятся пожарные инструменты и вещи штатной команды, но против сего дома находится дом одинаковой фасады, расположением таком же и исправный, в коем всегда квартировали шефы полков. Он отвечает мне, что я, вместо исполнения его повелений, осмеливаюсь делать возражения, что начальник повелевает, а подкомандующему остается исполнять.

Столь нелепая бумага меня взбесила, я ее тотчас послал подлинником г<рафу> Кочубею, спрашиваю меру его власти и моего повиновения. В манифесте сказано, <что> ему подчиняются и гражданские губернаторы, в рассуждении командования их губернскими штатными ротами, но князь хотел лично меня иметь в неограниченной команде, сего не удалось, от министра он получил неприятную бумагу, и я сделался ему неугодным.

В июне месяце получил я письмо через фельдъегеря от графа Буксгевдена.[20] Он писал, что государь назначил ему гауптквартиру в Витебске и он просит меня велеть ему приготовить дом и еще один для дежурного генерала и нескольких полковников.

Фельдъегерь мне сказал, что в Тильзите[21] сделан мир, что барон Беннигсен[22] за болезнью уволен и граф главнокомандующий армией, тотчас дома сии велел приготовить.

Дня через три приезжает граф. Мы знакомимся. Он спрашивает: «Рад ли я гостям?». Я отвечаю, что такой гость, как он, мне очень приятен. Тут граф сказал, что за ним следует 150000 войска и прибудет для укомплектования оных 50 тыс. милиции. Я ужаснулся — куда толикое число войск поместить? Ибо я предварительно никакого не получил повеления. Граф расположил их лагерями от Дисны до Велижа, то есть вдоль всей губернии по берегу Двины. Потом надобно было стро-

ить биваки, дать дрова для варения пищи, солому для постелей, учредить госпитали, свезти сено для конных полков. Посудить можно, сколько сие требовало забот и беспокойства. Погода пошла дождливая, биваки не годились, ибо начали пребывать больные и требовали кантонир-квартир. Почты от посылаемых ежечасно курьеров пришли в изнурение. В прибавок к вышеозначенному числу войск пришло 16 рот конной артиллерии под командой г<рафа> Аракчеева,[23] приехал генерал-интендант к<нязь> Волконский[24] из Вильны, с ним множество провиантских и комиссариатских чиновников, и Витебск сделался, как столичный город. Начались людные собрания, везде по улицам множество офицеров, беспрестанный приезд в гауптквартиру. Для начальника губернии каково? Но с помощью всевышнего все устроилось, все успокоилось и войскам доставлено сена на всю конницу не дороже 28 $^{1}/_{2}$ копеек. Граф мне дал бумагу следующего содержания: «Милостивый государь мой, Сергей Алексеевич! По окончании ныне возложения моего здесь, отправляясь по Высочайшему мне назначению, приятно для меня изъявить Вам, милостивый государь мой, полную мою признательность, за все те попечения и благовременные содействия, каковые с такою ревностью подавали Вы мне всегда, во все время устроения и образования армии, высочайше мне поверенной. Обозревая ту пользу, которую извлекал я всегда из такового мне содействия Вашего, не мог я не донести то и до высочайшего сведения государя императора. Я представил всеподданнейше его императорскому величеству, сколько Ваше превосходительство, водимы отличным рвением вашим к службе, сделали для пользы оной. Госпитали, когда еще комиссариатские чиновники не прибыли и госпитальных вещей не имелось, так хорошо снабжены были Вами, что больные нижние чины довольно уже находили себе покоя. Лагеря получали дрова, солому и прочее исправно и безостановочно. Проход войск, ратников, рекрутов и ремонтов, находя в следовании своем нужные для них подводы и проводников, никогда не затруднялся. Самое большое и полезнейшее выгодам казны попечение Ваше видел я, с особливым удовольствием моим, в забла-

говременном заготовлении для продовольствия кавалергардских и прочих лошадей фуража. Причем, при содействии дворянства, поощренного примером г<оспо>д маршалов Цехановецкого и Милькевича, вызвавших взять за сено самые низкие цены, успели так, что дивизии, с прибытием своим в лагеря, нашли знатное оного количество, чрез что и провиантские комиссионеры имели уже всю удобность делать свои заготовления. Цены сена, во все время пребывания стольких войск в губернии, управлению Вашему поверенной, не возвышали в сложности 28 $^{1}/_{2}$ копеек за пуд. Я надеюсь, что государь император, приняв в благоуважение сие мое представление, соблаговолит удостоить В<аше> пр<евосходительство> высочайшим воззрением, тогда совершится в полной мере желание того, который с истинным почтением и преданностью имеет честь быть В<ашему> пр<евосходительству> покорнейшим слугой. Гр<аф> Буксгевден».

Граф ко мне в самых лучших расположениях, все воинские чины довольны! Чего, кажется, ожидать остается от государя, как не милостивого благоволения! Ожидаем его прибытия. Приближается октябрь, и граф говорит, что послал донесение, чтобы войскам разойтись, ибо провиант только по сие число запасен. Выходит разноречие – будет или не будет государь? 29 сентября я утром прихожу к гр<афу> Буксгевдену и спрашиваю его о прибытии его величества. Он говорит, что ничего верно не знает, но далее держать войска не намерен, как до 1-го числа. Оттуда заезжаю к князю Горчакову[25] и с ним о том же говорю. Князь держит десять против одного, что государю быть уже поздно, притом же, несколько недель кряду шел беспрерывный дождь, и грязь сделалась престрашная.

Лишь мы таким образом рассуждаем, входит офицер от главнокомандующего и зовет меня к нему – приезжает! Граф говорит: «Желание Ваше исполнилось. Я получил сей час фельдъегеря от государя, он изволит быть сюда и уже сегодня выехал из Петербурга и завтра к вечеру прибудет в Сураж». Какое удовольствие видеть своего государя! Какие хлопоты, чтобы поставить лошадей на станциях, ибо почтовые изнурены до край-

ности. Отыскиваю сего присланного, спрашиваю: «Нет ли ко мне бумаги от министра?». Ничего он не имеет, кроме открытого предписания почт-смотрителям, чтоб заготовить по тридцати лошадей для высочайшего проезда.

Я тотчас, взяв в помощь губернского маршала Цехановецкого[26], написали к живущим близ дворянам просительные письма, чтобы из своих собственных лошадей сделали по почтам поставы, ордера к поветовым маршалам и капитан-исправникам и послал с оным курьеров по Петербургскому, Полоцкому и Могилевскому трактам. Но все сие сделать надобно было весьма поспешно. Между тем, гусар поскакал в Сураж. От всех же попутные курьеры по командам и в губернский город. Одним словом, тревога!

Государь действительно в назначенный день в Сураж прибыл. Изволил осматривать полки и отменно был доволен. 1-го октября к вечеру прибыл в Витебск. Я заготовил хороший дом губернского маршала для принятия его величества. Но государю угодно было остаться на почтовом дворе. Я один имел счастье быть допущен к его императорскому величеству, принят был отменно милостиво. Государь тут пробыл часа полтора, кушал чай и беспрестанно со мной разговаривать изволил, даже шутил, называя всегда Сергей Алексеевич. Говоря о дорогах, изволил сказать: «Мне сказали, что дорога дурна. Я этого не нахожу. Я в двое суток приехал, мокро немного. Какова до Полоцка?». Я докладывал, что должна быть грязна от непрерывных дождей. Перед государем поскакали в Полоцк главнокомандующий и генерал-адъютант и взяли лошадей, под государя назначенных. Его величество, приехав на одну из станций, не нашел хороших лошадей. Так что, отскакав несколько верст, они начали приставать и император заехал к одному помещику, который дал тотчас своих собственных. Почт-смотрителя приказал фельдъегерю, арестовав, отвезти в Витебск. В Полоцке был очень доволен как войсками, так и городом и в знак своего благоволения голове пожаловал золотую табакерку.

Проезжая из Полоцка через Витебск в Оршу, изволил со мной говорить в кабинете очень милостиво, положа мне руку на пле-

чо, и рассказывал, что с ним в вояже случилось. Простил, притом, почт-смотрителя сими словами: «Ты знаешь, я никому зла делать не люблю, я видел его жену, детей. Они меня разжалобили, прикажи его отправить к месту». Через сутки опять в Витебск приехать изволил в 6 часов утра и отправился в дом губернского маршала Цехановецкого, для его величества назначенный. Я его встретил. И изволил мне сказать: «Ну, слава богу, все кончилось, и все нашел лучше, чем воображал. Пусть теперь будет другая погода».

Вошед в дом, очень оным любовался и извинялся, что обеспокоил хозяина, потом, поклонясь, изволил сказать: «Теперь лягу спать, признаюсь, что устал».

Я спрашиваю г<рафа> Толстого[27]: «Может ли дворянство иметь счастье быть представлено?». Он доложил государю – позволено. Я спрашиваю: «В котором часу?». Граф говорит: «Часу в двенадцатом». Я поехал домой, послал повестку, чтобы съезжались во дворец, и сам в 11 часов туда явился. Собрались чиновники. Я их представил императору, который, откланявшись, изволил уйти в свой покой. Потом, сошед по маленькой лестнице, сел на лошадь и поехал. Г<раф> Толстой сказал, чтобы все приглашенные к обеду тоже остались, что государь, верно, не долго будет прогуливаться. В 3 часа он изволил возвратиться, объехав все лазареты, и мимоходом заходил в острог или городскую тюрьму, где был очень недоволен, что окошки малы, нет свежего воздуха и что арестанты строго содержатся. Все мне сие говорят, но я остаюсь спокоен, потому что тюрьма строена несколько лет прежде моего правления. Прокурорская должность смотреть, чтобы подсудимые обременены излишне не были, также и чистота остается на его отчете. Судятся они все уголовной палатой, которая по вине предписывает, как их содержать: в колодке или цепях. Однако тут остался виноватым я как хозяин.

После обеда мы, через г<рафа> Толстого, докладываем государю, что дворянство приготовило бал, на который осмеливаемся просить его величество. Принято сие очень милостиво, и государь обещал осчастливить нас своим посещением. Между тем, Сперанский,[28] который был штат-секретарем при государе, просит меня, чтобы я отвез на его квартиру. Сели со

мной в карету. Он сказывает мне, что государь недоволен острогом и ему поручить изволил завтра туда съездить и осмотреть, чтобы, между тем, я ему прислал список арестантов с означением их преступлений и времени их задержания. Вечером гр<аф> Буксгевден, будучи у императора, начал говорить обо мне и пожаловании аренды, ибо в Сураже государь изволил ему сказать, что мне назначил бриллиантовые знаки св. - Анны, но граф просил лучше аренды, и государь приказал ему сие исполнить. Но тут изволил сказать: «Я знаю, что он очень хороший человек. Мне жаль самому, что я нашел в остроге беспорядочно. В период я не забуду».

В 12<-м> часу изволил приехать на бал. Я его встретил на крыльце с чиновниками. Был очень весел и много танцевал, любуясь домом и обществом. Как доложили, что готов вечерний стол, он, взглянув в столовую, изволил ретироваться. Мы все поехали за ним вслед. Г<раф> Толстой выносит г<убернскому> маршалу орден св. Анны 1-й степени, а он был статский советник, полицмейстеру бриллиантами осыпанный перстень – один я, к несчастию, остался, который смог его прогневить неумышленно.

В 3 часа за полночь он изволил отправиться в Петербург, откланявшись с нами весьма милостиво.

В 9 часов я приезжаю к М. М. Сперанскому и спрашиваю, что он нашел неисправным в остроге. Тот отвечает мне, что тюрьма как тюрьма и иначе быть и не можно, но что это была несчастная для меня минута, что государю не понравилось, обещая мне при докладе объяснить государю. Больно мне сие было чрезмерно, что все усердие, труды мои остались тщетны и что тот остался недовольным, которому все стремление и усердие мое было делать угодным. Я прошу Сперанского, чтобы тот доложил государю, что я по болезни своей сей должности более продолжать не могу и прошу быть уволенным на несколько времени для поправления моего здоровья, тем более, что государь сам приметить изволил, что у меня ослабление нервов в правом глазу и приказал мне с Вилье[29] посоветоваться. Сперанский обнадежил меня в своей благосклонности.

И так я остался крайне недовольным и грустным. Полицмейстеру моему пожалован перстень, суражскому исправни-

ку— золотая табакерка, также и полоцкому городскому главе — все сие доказывает, что государь губернией был доволен. В скором времени начали поговаривать, что будет новый пожалован губернатор. Между тем, я получил от государя рескрипт, в коем изволит прописывать о неисправностях, найденных им в остроге, и приказывает сделать некоторые перемены. Рескрипт сей в весьма милостивых выражениях, но я получил известия, что Сумароков[30] назначается на мое место и 9 ноября я действительно уволен от должности. Вот копия указа, полученного из Сената: «Белорусского витебского гражданского губернатора действительного статского советника Шишкина, по слабости его здоровья, увольняя от сей должности, Всемилостивейше повелеваем, впредь до выздоровления и до определения к другому месту, производить ему настоящее его жалованье».

Прочитав сей указ, я тотчас послал предложение в губернское правление, что я, по болезни моей, должности отправлять не могу. Также и по всем делам канцелярии моей приказал относиться к вице-губернатору Воинову. Он человек весьма странный и имеет много оригинального, притом, не знаю, за что, имел всегда ко мне неудовольствие. Претензии его были более за то, что не давал ему караулу и ординарцев от штатной роты. Но оное ему ни по чему не следовало, ибо рота сия при губернском правлении и должна была содержать все городские караулы.

Все служащие и живущие в городе так же меня посещали, как и прежде, кроме вице-губернатора, который, чтоб показать мне свое могущество, ко мне перестал ездить. И в один вечер, когда у меня было довольно гостей, присылает мне полицмейстера сказать, чтобы я очистил казенный дом — он в нем намерен поместить нового губернатора. Я приказываю в ответ, что я, будучи нездоров, сего сделать не могу и надеюсь, что новый губернатор будет столько вежлив, что меня не выселит. В чем я не ошибся, ибо он, прислав своего секретаря, приказал меня покорнейше просить, чтобы я остался в сем доме, пока мне угодно.

Воинов, не знав, чем мне досадить, старался в церкви брать у меня место, но сего не удавалось, ибо я всегда становился

вперед. В собраниях всегда открывал бал, в беседах ходил у него впереди, что ему было очень досадно, а мне смешно.

Не хотя быть г<осподам> Сумароковым обязан, я переехал в дом генеральши Богомольцевой по ее просьбе. И никак не переменял образ моей жизни — также к обеду и по вечерам принимал гостей. И все единодушно сожалели, что я оставил место.

12 декабря приехал новый губернатор. Я с ним увиделся, и обошлись очень ласково. Место сие он получил исканием к<нязя> Сер<гея> Фед<оровича> Голицына, который, не имев, чем меня очернить, сказал государю, что я слишком добр и слаб. Благодарю бога, я зла никому в правление мое не сделал, но также никто не остался, с кого бы по должности взыскано не было. Обходился с подчиненными учтиво и ласково, за то был ими любим. И начальник в праве ли быть невежлив с благородными людьми?

Вот бумага, которая доказывает мое поведение и расположение ко мне губернии, ее ко мне прислали 12 выбранных дворян лучших фамилий:

«Милостивый государь Сергей Алексеевич!

Снисхождения, с кротостью сопряженные, коими во время правления Вашего превосходительства, наслаждалось Белорусской губернии дворянство, возбудило их до изъявления той благодарности, которая была бы памятником Вашим благодеяниям, а всего дворянского сословия чувствительностью.

По сему предмету, я, яко соучастник чувств общества, приятнейшим поставляю случай, дозволяющий мне, от лица всего дворянства, изъявить Вашему превосходительству приносимую самоискреннейшую их признательность.

Благоволит милостивый государь принять оную, яко монумент от одолженных сердец воздвигнутый и качествами души вашей сооруженный.

С истинным почтением и таковою же преданностью честь имею быть,

Милостивый государь, Вашего превосходительства покорнейший слуга,

Губернский маршал, граф Иосиф Борх.[31]

№ 935. Декабря 18 дня 1807 года».

Тогда был дворянский выбор, я написал благодарное письмо и послал в собрание. Губернский маршал, начав его громко читать, зарыдал и просил, чтоб прочли оное.

1808 году, 7 января, я уехал с семьей своею из Витебска. Буйницкие давали завтрак, на коем было множество гостей. Все пили наше здоровье и со слезами меня отпустили. Губернатор просил меня сесть в его карету и проводил до шлагбаума, приказал полицмейстеру и ординарцам проводить меня до конца городского выгону. Все улицы были наполнены народом, кричащим: «Прости, отец наш, дай бог тебе счастливый путь!». Сие меня весьма чувствительно тронуло, и я со слезами оглядывался на любезный мне город Витебск, мною устроенный и в котором я весело живал.

Молодой человек Дмитрий Петрович Кудряшов, который меня очень любил и всякий день бывал у меня, тот же день, как я получил увольнение, подал просьбу в отставку (он служил в строительной экспедиции) и поехал меня проводить.

Мы приехали в Смоленск к И. Ф. Мезенцеву и прожили тут дней 9 очень приятно – частые были съезды, вечеринки.

20 <-го> приехали в село мое Спасское, нашли маленький холодный дом, пустоту. Кудряшов, прожив с нами с неделю, уехал в Петербург, а я, оставив всех своих в деревне, 30 числа поехал в Москву увидеть старых знакомых и подумать, что с собою делать и где жить оставаться!

28 февраля приехал в Спасское проведать своих и 29 <-го> уехал в Витебск для расчету с долгами и окончания своих дел. Встретили меня там очень хорошо. Но, как я приехал налегке и жил у секретаря Рубцова, то не мог никого принимать, разве утром. Пробыв там до 25 марта, возвратился в Спасское.

<...> [В августе 1811 г., находясь в Спасском, Шишкин получил известие, что следствие по «провиантскому делу»[32] требует его свидания с витебским губернатором и бывшим при нем правителем канцелярии. – *В.Ш.*]

И так 25 <августа> отправился в путь. 28<-го> – в Витебске, где принят был отменно хорошо, как от военного губ<ернатора> герцога Александра Вюртембергского, так и от гражданского губернатора Сумарокова, который старался на вся-

ком шаге делать мне вежливости. На другой день присылает [П. И. Сумароков – *В.Ш.*] мне для посылок своего ординарца и пишет, что он сочтет себя обиженным, если возьму чей-нибудь экипаж и тем отниму у него случай оказать мне должную вежливость. И так он всегда за мною заезжал и завозил меня.

В 9 дней моего там пребывания я обедал 5 раз у герцога, был на большом бале и на маленькой вечеринке у него.

Для меня крайне было приятно, что ко мне, как будто к губернатору, все пришли в Александров день с поздравлением. Народ на улице, все меня узнают, кланяются. Один раз я гуляю пешком – один русский купец Голубок, увидя меня, вскочил с восклицанием: «Отец наш! Да откуда ж ты взялся?» – вот прямая награда для чувствительного сердца. <...>

«Жизнь С. А. Шишкина»
(ОР РНБ, ф.536, Q.616, л.32об.-63об, 73 и об.).

---

[1] Витебская губерния была образована по указу от 27 февраля 1802 г. (Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. 1-е собр. СПб., 1830. Т.XXVIII. №20162). В губерниях, входивших в состав генерал-губернаторств, гражданский губернатор подчинялся генерал-губернатору и нес ответственность за управление отдельной губернией, осуществлял административные, судебные, полицейские и хозяйственные функции.

[2] Римский-Корсаков, Александр Михайлович (1753-1840) – генерал от инфантерии (1801). Участник русско-турецкой 1787-1790, русско-шведской 1788-1790 войн и персидского похода 1796. В 1799 командовал русским отрядом в Швейцарии, потерпел поражение при Цюрихе. С октября 1799 по 1801 в отставке. В 1802-1803 – генерал-губернатор в белорусских губерниях. С 1806 – командующий войсками в западных губерниях, с октября – виленский военный губернатор. В июле 1809 – после конфликта с А. А. Аракчеевым в отставке. В 1812-1830 – генерал-губернатор в литовских губерниях. С 1830 – член Государственного совета.

[3] Константин Павлович (1779-1831) – великий князь, 2-й сын императора Павла I. Участник походов А. В. Суворова (1799-1800), Отечественной войны 1812. С 1814 – фактический наместник Царства Польского. Тайный отказ Константина Павловича от прав на российский престол создал после смерти Александра I обстановку,

использованную декабристами для восстания 14 декабря 1825. Умер 15 июня 1831 в Витебске от холеры.

[4] Бакунин, Михаил Михайлович (1764-1837) – генерал-майор (1797), сенатор. Начал службу в 1784 в Семеновском полку. Участник русско-турецкой 1787-1790, русско-шведской 1788-1790 войн и персидского похода 1796. С 1801 – на гражданской службе. В 1802-1808 – гражданский могилевский губернатор, в 1808-1816 – петербургский гражданский губернатор. Активно участвовал в организации ополчения в 1812. В 1818 обвинен в казнокрадстве, оправдан, но отправлен Николаем I в отставку.

[5] Шамбелян (камергер) – придворное звание. Первоначально шамбелян был должностным лицом при дворе, ведавшим какой-либо определенной отраслью дворцового управления, в дальнейшем это звание приобрело характер почетного.

[6] Селицкий, Иосиф (Осип) (?-1791) – с 1784 полоцкий каштелян.

[7] Gratis (фр.) – бесплатный.

[8] Кочубей, Виктор Павлович (1768-1834) – князь (1831), государственный деятель, почетный член Петербургской Академии наук (1818). Член Негласного комитета. В 1802-1807 и 1819-1823 – министр внутренних дел. С 1827 – председатель Государственного совета и Комитета министров. Сторонник умеренных реформ.

[9] Дядей Л. О. Лускины был Ян Цехановецкий (?-1811) – сын Антония Тадеуша Цехановецкого, шамбелян, сенненский поветовый маршалок (предводитель дворянства).

[10] Дело о пожаловании С. А. Шишкину аренды (1802) сохранилось в фонде Департамента полиции (Российский государственный исторический архив (далее – РГИА), ф.1286, оп.1, д.26.)

[11] Михельсон, Иван Иванович (1740-1807) – генерал от кавалерии. Участвовал в Семилетней войне 1756-1762, в турецкой кампании 1770 и в действиях против польских конфедератов. В конце 1773, в чине премьер-майора, назначен был в войска, отправленные против Е. Пугачева. Михельсон разбил войска самозванца под Казанью и, переправившись вслед за ним на правый берег Волги, нанес мятежникам окончательное поражение. Командовал корпусом во время русско-шведской войны 1788-1790. В 1803 назначен военным губернатором белорусских губерний. В 1805 ему вверено было начальство над войсками, собранными на западной границе, а в 1806 – начальство надднепровской армией, предназначенной для действий против турок. Заняв с ней молдавские земли, Михельсон умер в Бухаресте.

[12] В Невельском уезде Витебской губ. (сейчас Невельский р-н Псковской обл.) находилась усадьба И. И. Михельсона Иваново.

[13] Первоначально здание принадлежало дворянам Емельяну и Ивану Кудиновичам и было построено до 1772. В 1806 дом был приобретен губернским казначейством и перестроен под дворец губернатора. На протяжении XIX-XX вв. здание перестраивалось и дополнялось пристройками. Сейчас в нем располагается Управление КГБ РБ по Витебской области.

[14] Вюртембергский, Александр-Фридрих (1771-1833) — герцог, брат русской императрицы Марии Федоровны (супруги Павла I) и первого короля вюртембергского Фридриха-Карла I, поступил в австрийскую военную службу, в 1800 переселился в Россию. В 1811 он был назначен белорусским военным губернатором, потом принимал участие в Отечественной войне 1812. 29 ноября 1813 принудил к сдаче Данциг. В чине генерала от кавалерии герцог Вюртембергский был сделан членом Государственного совета, а в 1822 — главноуправляющим ведомства путей сообщений и публичных зданий.

[15] Перемещение войск было связано с участием России в 3-й Антинаполеоновской коалиции, распавшейся после разгрома русской и австрийской армии при Аустерлице 20 ноября 1805.

[16] Хитрово (Хитров) Николай Федорович (1771-1819) — генерал-майор, русский поверенный при дворе герцога Тосканского во Флоренции (1815-1817).

[17] Осенью 1805 С. А. Шишкин, выполняя распоряжение о заготовке провианта для запасного магазина в Крейцбурге, одолжил необходимые запасы из магазина в Могилеве, а для их восполнения заключил договор со смоленским купцом Шабловинским, который, получив от Шишкина 8550 р., не выполнил свои обязательства и не вернул деньги. На протяжении многих лет Сергей Алексеевич пытался добиться освобождения его от ответственности по делу о «неисправной поставке», оправдываясь тем, что «преследовал только выгоды казны». Дело, пройдя через многочисленные инстанции, 3 января 1825 рассматривалось на заседании Комитета министров, но прошение Шишкина об освобождении от «взыскания» было отклонено. См.: РГИА, ф. 1263, оп.1, д.368, л.795-797; д.413, л.72-79об.

[18] Козодавлев, Осип Петрович (1754-1819) — сенатор, министр внутренних дел (1810-1819), писатель, редактор газеты «Северная почта».

[19] Голицын, Сергей Федорович (1748-1810) – князь, флигель-адъютант императрицы Екатерины II, генерал от инфантерии (1801), член Государственного совета.

[20] Буксгевден, Федор Федорович (1750-1811) – граф, генерал от инфантерии. Родился на острове Эзеле; в 1764 поступил в артиллерийский и инженерный корпус и еще кадетом участвовал в русско-турецкой войне 1768-1774. За храбрость, оказанную при Бендерах (1770), был произведен в инженер-прапорщики. В 1772 Буксгевден поступил адъютантом к генерал-фельдцейхмейстеру князю Орлову. В войне с Польшей 1793-1794 командовал дивизией. Суворов назначил его комендантом Варшавы и вверил управление Польшей. Вскоре по вступлении на престол Павла I Буксгевден, уже в чине генерал-поручика, был назначен петербургским военным губернатором и возведен в графское достоинство; но в сентябре 1798 уволен от службы, и удалился в Германию. Александр I, по вступлении своем на престол, снова вызвал его в Россию и назначил председателем учрежденного в 1802 комитета для уравнения городских повинностей. В 1809 Буксгевден опять был принят в военную службу, с чином генерала от инфантерии назначен инспектором лифляндской инспекции и рижским военным губернатором. В 1805, находясь в армии Кутузова, принимал деятельное участие в Аустерлицком сражении. В начале кампании 1806-1807 Буксгевден командовал корпусом, но после начала военных действий был отозван из армии. После Тильзитского мира он принял от Л. Л. Беннигсена главное начальство над армией. В русско-шведскую войну 1808-1809 Буксгевден был главнокомандующим; при нем вся Финляндия была очищена от шведских войск. В 1808 сложил с себя начальство над войском, поселился в Эстляндии и там умер в принадлежавшем ему замке Лоде.

[21] 2 июня 1807 под г. Фриндланд (совр. Правдинск, Калининградская обл.) русская армия под командованием Л. Л. Беннингсена потерпела поражение от французов, после чего Александр I вынужден был подписать 25 июля 1807 в Тильзите соглашение о мире, дружбе и союзе с Францией.

[22] Беннигсен, Леонтий Леонтьевич (1745-1826) – граф, генерал от кавалерии. Происходит из древней ганноверской фамилии. Службу начал в ганноверской пехоте. В 1773 принят премьер-майором в Вятский полк. В 1787 назначен командиром Изюмского полка, с которым участвовал в русско-турецкой войне 1789-1791, где отличился под Очаковом и при взятии Бендер. В 1792, 1794 принимал участие в

действиях против польских конфедератов. В 1802 произведен в генералы от кавалерии. В кампании 1806 Беннигсен нанес поражение французам под Пултуском. В 1807, будучи главнокомандующим, в сражении при Прейсиш-Эйлау сдержал напор французской армии, предводимой Наполеоном, затем разбил Нея у Гутштадта, отразил Наполеона у Гейльсберга, но сам был разбит под Фридландом. В начале Отечественной войны 1812 Беннигсен состоял при Александре I, потом был начальником главного штаба армии, участвовал в Бородинском и Тарутинском сражениях, после чего удалился в свои поместья. Участвовал в заграничном походе 1813, за отличие в Лейпцигской битве возведен в графское достоинство. По возвращении в Россию до 1818 был главнокомандующим 2-й армией, после чего испросил увольнение от должности и переехал в Ганновер.

[23] Аракчеев, Алексей Андреевич (1769-1834) — граф (1799), генерал от артиллерии (1807). Фаворит Павла I, с 1796 — комендант С.-Петербурга, в 1797-1799 — генерал-квартирмейстер всей армии, в 1799 и с 1803 — инспектор артиллерии, провел ее реорганизацию. В 1808-1810 — военный министр, с 1810 — председатель Департамента военных дел Государственного совета. В 1815-1825 — доверенное лицо Александра I. С 1819 — главный начальник над военными поселениями. В 1821-1826 — главный начальник Отдельного корпуса военных поселений. По повелению Александра I разработал проект освобождения крестьян (1818, не осуществлен). С 1826 жил главным образом в своем имении Грузино, Новгородской губ.

[24] Волконский, Петр Михайлович (1776-1852) — светлейший князь (1834), генерал-адъютант (1801), генерал-фельдмаршал (1850). Будучи адъютантом лейб-гвардии Семеновского полка, сблизился с шефом полка вел. кн. Александром Павловичем. В 1797 назначен адъютантом наследника. Принимал участие в подготовке переворота 11 марта 1801, во время которого был убит Павел I. 15 сентября 1801 произведен в генерал-майоры. С 1805 — дежурный генерал и генерал-квартирмейстер вспомогательного корпуса генерала Ф. Ф. Буксгевдена, а с октября — дежурный генерал объединенной русско-австрийской армии. Сопровождал Александра I в Тильзит. В 1810 назначен управляющим квартирмейстерской частью, стал одним из главных создателей русского Генерального штаба. В начале Отечественной войны 1812 находился при Александре I. В сентябре - октябре 1812 находился при Кутузове. В декабре 1812 назначен начальником Главного штаба действующей армии. Внес огромный вклад в планирование кампаний 1813-14 и 1815. Участвовал в работе Венского конгресса. С 1815 —

начальник Главного штаба. В 1817 произведен в генералы от инфантерии. В 1823 из-за конфликта с А. А. Аракчеевым подал в отставку и уехал за границу. Будучи одним из ближайших к императору Александру I людей, находился при императоре во время его кончины в Таганроге. С 1826 и до самой смерти занимал пост министра Императорского двора и уделов, заведующего Императорским кабинетом. С 1842 – канцлер Российских императорских и царских орденов.

[25] Возможно, Горчаков, Алексей Иванович (1769-1817) – князь, генерал от инфантерии (1814). Племянник А. В. Суворова. Службу начал в 1781 в лейб-гвардии Преображенском полку. В 1788 назначен генерал-адъютантом при Суворове. Участник русско-турецкой войны 1787-1791 и войны с Польшей 1792-1794. В 1799 участвовал в боевых действиях корпуса А. М. Римского-Корсакова в Швейцарии. В 1795 произведен в генерал-майоры. В июле 1795 за растрату казенных денег отстранен от должности и отдан под суд. После оправдания переведен в Семеновский полк. В сентябре 1796 произведен в генерал-лейтенанты, а 1 ноября уволен в отставку. В 1799, после возвращения на службу Суворова, Горчаков был принят на действительную службу генерал-майором и участвовал в Швейцарском походе. С 1800 – выборгский военный губернатор. В августе 1800 обвинен в растрате казенных денег и уволен от службы. Хотя следствие доказало его невиновность, Павел I повелел взыскать деньги с него. После восшествия на престол Александра I вернулся на службу и 11 июля назначен инспектором Украинской, а в 1802 – Брестской инспекции. С 1804 – сенатор. С 1807 – шеф Белозерского мушкетерского полка. С октября 1811 вторично получил чин генерал-лейтенанта. С февраля 1812 – член Военного совета. С 24 августа 1812 – управляющий Министерством военно-сухопутных сил. 30 августа 1814 утвержден в должности министра. В 1815 комиссия, созданная для расследования злоупотреблений в Провиантском департаменте, обнаружила причастность Горчакова к хищениям. В декабре 1815 снят с поста и назначен членом Государственного совета. В апреле 1816 уехал за границу. В августе 1817 уволен в отставку.

[26] Цехановецкий, Ян Непамуцен Мартынович (?-1808) – маршалок (предводитель дворянства) Белорусской губ. (1796-97, 1801) и Витебской губ. (1806-07). В 1807 за участие в организации земской милиции был награжден орденом св. Анны I степени и произведен в действительные статские советники.

[27] Толстой, Николай Александрович (1761/1765-1816) – граф, камергер, обер-гофмаршал высочайшего двора, президент Придворной конторы, сопровождавший Александра I в походах.

[28] Сперанский, Михаил Михайлович (1772-1839) – граф (1839), выдающийся государственный деятель России начала XIX в. Родился в семье священника. В 1792 закончил Петербургскую семинарию и был оставлен в ней преподавателем математики. С 1797 – на гражданской службе, экспедитор генерал-прокурорской канцелярии. С 1802 – управляющий экспедицией государственного благоустройства Министерства внутренних дел. С 1807 – статс-секретарь Александра I. Автор ряда либеральных проектов социальных, политических, финансовых преобразований, инициатор создания Государственного совета (1810). В 1812-1816 – в ссылке. Пензенский губернатор (1816), генерал-губернатор Сибири (1819-1821), член Государственного совета (1821), член Верховного уголовного суда над декабристами (1826). С 1826 руководил кодификацией российского законодательства.

[29] Виллие, Яков Васильевич (1768-1854) – баронет, действительный тайный советник, врач, доктор медицины и хирургии. По происхождению шотландец, с 1790 в России. Лейб-хирург (с 1799), президент Медико-хирургической академии (1809-1838), почетный член Петербургской Академии наук (1814). 1806-1854 – главный военно-медицинский инспектор армии и директор департамента Военного министерства (до 1836).

[30] Сумароков, Павел Иванович (? – 1846) – сенатор, писатель, племянник писателя А. П. Сумарокова. В молодости служил в гвардии, потом в министерстве юстиции, с 1807 по 1812 – витебский гражданский губернатор.

[31] Борх, Иосиф Генрих (1764-1835) – полковник коронного войска, шамбелян (камергер) короля Станислава Августа Понятовского. Посол на Четырехлетнем сейме 1788-1792. В 1807-1809 – маршалок (предводитель дворянства) Витебской губ. В 1812 назначен Наполеоном членом административной комиссии Витебска. После освобождения города от наполеоновских войск арестован, сослан в Петрозаводск, позже амнистирован.

[32] См. сноску 17.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИЗ МЕМУАРОВ Г. И. ДОБРЫНИНА

<...> По выезде на третий день [июнь 1797 – *В.Ш.*] въехал я в Витебск. Первою для меня были встречею: грязь, топь, повсеместная нечистота, кривые узкие улицы, с долгими от кровлей дурных домов навесами; внутри сих хижин – несказанное множество тараканов, называемых прусаки.

В течение лет 10-ти Витебск отстроился большей частью каменным строением, так что весьма немногие в империи губернские города могут с ним сравниться, и прусаков уменьшилось, может быть, по причине извести. Внутри же домов образ жизни хозяев – исключая очень немногих – не переменился. Если дом жидовский, то в нижнем этаже – корова; а если христианский – то свинья. <...>

На его [П. М. Торбеева – *В.Ш.*] место прислан действительный статский советник Шишкин. Он был лет под 40, служил по гвардии и, потом, в штатской службе; был вице-губернатором в Смоленске, советником в государственном ассигнационном банке и, напоследок, витебским губернатором. Человек счастливой памяти, знал два языка, знаком с литературою и ничего не писал. Рассуждая об людях, умел их теорически узнавать и различать, но деятельно не отличал умного от дурака, ребенка от старика. Ловок и вежлив в порядке разговора, и был наиприятнейший человек в гражданском обращении. Физогномию имел благородную, нравственность, подкрепленная воспитанием, не позволила ему пользоваться от должности противозаконными прибытками; но после вышли неприятные обстоятельства, которых и ожидать надлежало, что он рад бы был своему горю помочь, откуда бы то ни было; но никто ему ничего не давал, потому что губернею управлял секретарь его, а губернским городом – полицмейстер. Будучи таковым, он верил от всего сердца, что целая губерния, по любви своей к нему, готова носить его на руках.

Он отставлен в исходе 1807 года, с полным пансионом, как человек хороший.

С 1808 года на место его вступил действительный статский советник Сумароков, человек с французским языком, со стихотворством и способностью писать. Два тома сочинений его с эстампами, под названием «Досуги крымского судьи», делают ему честь и обнаруживают его дарования. Его комические сочинения довольно веселы и нравоучительны. Но он сам ни на своих, ни на чужих никогда не смеялся и не свистал. И для того, некоторые сочинители, которых сочинения гораздо пониже его сочинений, его не хвалили*. Во всю бытность губернаторства его — видели, что он радетелен, скор, взыскателен, справедлив, бескорыстен, своеобычлив, упрям, забывчив, не всегда верен, не злопамятлив, не скуп; чужд непозволительных приобретений с просителей и не самый хороший плательщик долгов. Был любочестив и мастер принимать у себя большие собрания гостей; но его немногие любили, потому ли, что немногие охочи узнавать в начальнике хорошую сторону, или потому, что он не сотворен приласкать приятным словом и улыбкою. Ежели должно сказать, что он во все входил и все хотел знать, то можно сказать, что он не меньше хотел ко всему и ко всякому придираться. При получении им бумаг на утверждение по части провиантской подписавший оныя провиантский чиновник, на его громком языке, был вор, которого мало повесить. Очень понятно, что он доискивался быть приятелем тому только, кто держится чести по нравоучению и вступает в службу с чистым намерением служить. Диоген тоже упал, когда бегал со свечкой, и его не меньше одобряют, как и порочат; учись же — кто ретив — из примеров древних и новых**.

Прежде, нежели кончу мою историю, возвращусь ко временам губернатора Торбеева и Шишкина. Во время губернаторства Торбеева был военным губернатором в обоих Белорусских губерниях А. М. Римский-Корсаков. Человек правосудный, не корыстолюбный, умный, самонравный, неуступчивый, взыскательный; он не любил ни от кого заимствовать мнения и слушал больше сам себя. Любил хороших женщин, и мастер был их выбирать. Он личным своим государю императору

докладом удержал Витебск губернским городом, и тем величайшую сделал пользу гражданам и поддержал водяную и сухопутную коммерцию, против сенатского мнения, которым сенат полагал быть губернским городом Полотску. Для пребывания же своего выбрал Могилев, для того, что деревни генерала-майора и кав<алера> Ив. Никол. Римского-Корсакова состоят при Могилеве, в который водворился и военный губернатор Римский-Корсаков. Но едва побыл он с небольшим год в Белоруссии, переведен в Вильно военным же губернатором.

Место его заступил И. И. Михельсон, человек вспыльчивый, сердитый, любостяжательный, гостеприимный, любящий вкус и изобилие на столе и порядок везде. При этом, имел он две души: был очень добр и был очень зол. Он выбрал местопребывание в Витебске, потому что деревни его были в Витебской губернии. Он губернатору Шишкину исходатайствовал аннинскую ленту, а меня представил к получению ордена владимирского. Шишкин, из благодарности, с ним не поладил, а я не получил ордена, потому что во всю жизнь и службу не был ни под судом, ни под штрафом, ни под выговором. Напоследок Михельсону высочайше повелено командовать армией против турка, где он, оказав удачно свои воинские подвиги, скончался; а по смерти возвратился чрез Витебск в свое имение Иваново, в закупоренном гробе, для вечного себя успокоения, в построенной им там каменной церкви. <...>

---

* *Последние две строки в подлиннике зачеркнуты. [Прим. М. Семевского]*

** *Вместо зачеркнутого «не любили» [Прим. М. Семевского].*

Печатается по изданию:
Истинное повествование,
или Жизнь Гавриила Добрынина,
им самим писанная в Могилеве и в Витебске.
1752-1823. СПб, 1872. Изд. 2-е. С.317, 330-333.

ИЗ «ОПИСАНИЯ ПОЛОЦКОЙ ГУБЕРНИИ С ИСТОРИЧЕСКИМИ И ГЕОГРАФИЧЕСКИМИ ПРИМЕЧАНИЯМИ»

<...> О городе Витебске с уездом.

Город Витебск герб имеет: воина с обнаженною шпагою и щитом на коне с убором золотым в красном поле. Оной город начало свое имеет от российской княгини Ольги, которая в 914 году[1] проезжала в Киев через оное место и ночевала на горе, где и велела на той горе строить город, и по реке Витьбе назвав Витебск. В 1240-м году князь Миндагос[2] выслал племянником своим Ардвида, Викунта и Теофила воевать противу князей русских, из коих Викунт взял Витебск и звался князем Витебским, а Теофил – Полоцк. Около 1327-го года женился сын Гедиминова князя литовского Ольгерд Гедиминович на дочери русского князя витебского Ульяне, с которой взял в приданое все княжество Витебское. В 1390-м году, когда Витольд вступил на престол княжества Литовского, тогда он Свидригайла из Витебска выгнал. От прежнего укрепления знак небольшой земляного вала осыпавшегося окружностию до 500 сажень; вышиною от 4-х до 15 сажень. И находился сей город в польском владении до 1772 года, в котором со всею Белоруссиею присоединен к Великороссии.

Оной город стоит северной ширины под 55-м градусом и 2 минуты, а длины под 48-м градусом при устье реки Витьбе, которая чрез оной протекает: строение по Двине длиною 2 версты 200 сажень, поперек по обоим берегам 1 верста 400 сажень. Северная сторона ровнее и меньше населена, нежели южная; в окружности же всего города 8 верст 200 сажень.

У купечества и мещанства витебского привилегии, данные в 1447 году от Казимира Егелло и потом подтвержденные; магистрат имеет право Магдебургское в 1597-м году.

Жиды, живущие в городе и уезде, суд и расправу между собою в ссорах имеют в витебском кагале, выбранными из них старшинами; и сей кагал состоит в ведомстве учрежденного в губернском городе Полоцке апелляционного кагала.

В оном городе ярмонки не бывают, и из других городов купечество не приезжает, а в неделе торговые дни: среда, пятни-

ца и воскресенье, на которые только крестьяне съезжаются из уезда с их продуктами.

У купечества и мещанства промысел льном, пенькою, салом, льняным семем, юфтью, разным хлебом, лесом и немецкими товарами.

Ремесло у жителей малярное, столярное, серебряное, кожевное, портное, сапожное и игорное.

Купечество, мещанство и помещики имеют вольную продажу напитков: вина, водки, пива и меду с платежом только с написанных в поголовном списке мужеска пола голов положенной за то подати.

Фабрик и заводов нет.

В Витебском уезде руд ни каких не найдено, кроме железных, да и те в самом малом количестве видны в болотах.

По рекам: Двине, протекающей мимо Витебска, и впадающим в оную Каспле и Меже суда ходят по весне в Ригу, плоскодонные – струги и шкуты, остродонные большие же в середине же лета и малые лодки со льном, пенькою, хлебом, семем льняным, шкурами, воском, поташем и лес плотами из Белоруссии. Назад возвращаются города Витебска и уезда жители на малых лодках бечевником с солью, сельдями, французскою водкою, виноградными винами и разными немецкими товарами, а из Смоленской губернии от пристани Белой и городов Поречья, Вязьмы, Дорогобужа с московскою муравленою посудою, железом, хлебом и прочим только до Риги.

При сплаве в Ригу судов препятствие бывает к прохождению, когда по оной реке вода невелика, и в то время барки, плоты и прочия большия суда имеют великую трудность проходить пороги, которых мест очень много, а паче в Динабургском уезде, около местечка Крейцбурга, и устья Авинсты-реки, и ниже в Лифляндии так, что иногда суда подвергаются разбитию. Особливо же из них опасные называются заборы, суть то – бугры, которые поперек реки лежат каменные, разной величины, и делают по реке препятствие. Еще много островов больших и малых, из коих некоторые в великую воду покрываются, и на них наносит водою суда, и делают вред.

В Витебском уезде протекают реки, в Двину впадающие: Лучеса и Лужесенка.

По течению Двины вниз по обе стороны крутоберегие места; вершина оной выходит Тверского наместничества из Осташковского округа, впадает в Рижский залив.

Под городом Витебском купецкая пристань есть, с которой отпускаются товары: лен, пенька и хлеб. <...>

[1] В различных вариантах легенды об основании Витебска княгиней Ольгой встречаются даты «*914*», «*947*» (Описание Витебской губернии П. Котловского, 1808), «*974*» («Летопись города Витебска, списанная с рукописи Михаила Панцирного, 1760 г., Степаном Аверкою...»). [*Прим. В.Ш.*].

[2] Здесь и далее имена князей приводятся в транскрипции оригинала. [*Прим. В.Ш.*].

«Описание Полоцкой губернии с историческими и географическими примечаниями» из «Атласа Полоцкой губернии» 1777 года (РГИА, ф. 1350, оп.312, д.6, л.IVоб.).

ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАПИСОК НЕИЗВЕСТНОГО

<...> 12. Витебск.

Город губернский губернии Белорусской, которая составлена из Полоцкой и Могилевской. При реке Двине. Не доезжая города, леса и крутая гора, по правой и по левой стороне по сей – заросшие большим лесом глубокие долины. Город по новозаведению губернии еще непорядочно застроен и состоит большею частью, как Полоцк, из жидовского купечества. Чрез Двину, разъединяющую город почти пополам порядочный мост. За ним кляштор Езуитский и провиантское комиссионерство с магазейнами хлебными. Прибыли часу в 1-м ночи. Остановились близ комиссионерства. Пока путь – занимались осматриванием онаго и писал Константиновичу и Романовичевой, отдал чрез ротмистра Былинского. Был у Ершова. Выехали в 9 часу вечера. Проводили Амантов, Харин, Красноскулов, Семенов, Кудряшов. Ходили по замку города. <...>

«Записки из города Полоцка с военным советником и орденов святого Иоанна Иерусалимского, святой Анны и святого Владимира кавалером Петром Ульяновичем Беляковым 1801 июня 11 дня» (ОР РНБ, ф.18, оп.1, ед.хр.3, л.2).

ИЗ ЗАПИСОК В. М. СЕВЕРГИНА

<...> Губернский город Витебск* лежит при реках Двине и Витьбе выше Полотска, по течению первой с правой стороны находится оный на ровном месте, а с левой — на гористых местах крутого берегу, кои представляют прекрасные виды. Окружности полагали ему издавна с лишком 7 верст, длины от окопа до окопа — с лишком 2 версты. Разделен был оный на 7 частей, из коих 6 на левой стороне по течению Двины, а одна за Двиною. Оныя суть: 1) Замковая, в коей находятся разные присутственные дома; 2) Заручевская, по ручью к Витьбе; 3) Задуновская, по ручью из Витьбы; 4) Подвинская, по Двине; 5) Взгорская, по гористому месту; 6) Песковатская по пескам; 7) Загорецкая, за Двиною.

Католические монастыри здесь суть: 1) Езуитский, каменный, построенный в 1644 году, при коем училище, состоящее тогда из 78 учеников. 2) Бернардинский, каменный, построенный в 1731 году. 3) Пиарский, каменный, построенный в 1753 году, при коем училище, имевшее тогда 70 учеников. 4) Доминиканский, деревянный, с каменною церковью, построенный в 1771 году. 5) Тринитарский, деревянный — в 1760 году. 6) Униатский Благовещенский, построенный, как думают, великой княгиней Ольгой[1], основательницей города. 7) Униатский Святодуховской, деревянный, женский.

Сверх того, считается здесь до 14 грекороссийских и униатских церквей. В том числе, при Успенском каменном соборе находится главное народное училище, в коем было 111 учеников.

Лучшие строения суть присутственные дома, комендантский дом, магистрат, почтовый дом, магазины и каменные торговые лавки.

Вообще, считается здесь обывательских каменных и деревянных домов с лишком 2000. Во время моего здесь пребывания нашел я все в движении для приведения сего города в лучший вид.

Прежде сего было здесь до 4437 жителей, а ныне, как мне сказывали, около 15000. Главные здешние ремесленники

суть портные, серебреники, медники, оловянщики, жестянщики, кузнецы, каменщики, горшечники и кожевники. Нужное для пропитания получают из Риги и уездов. Садов мало. В огородах водится капуста, свекла, морковь, пастернак, картофель, лук, петрушка, огурцы и горох.

Наибольшая торговля бывает зимою в разных округах Могилевской губернии. Произведения суть хлеб, лен, пенька, семя конопляное и льняное, мед, воск и кожи. В лесах водится довольно дичины. Сажень дров трехаршинных стоит 3 рубля 50 копеек.

К произведениям сего города принадлежит также напиток, липец называемый, который приготовляют ныне двое евреев, сохраняющих дело сие в тайне, но липец сей уступает добротою своею ковенскому, о котором я упоминал в прошлом путешествии. <...>

---

* Некоторые пишут Витепск, так как Полоцк и город Сенной; но правильнее было бы Витебск, Полотск и Сено, ибо название Витебска происходит от реки Витбы, Полотска от Полоты, а Сено не от сена, но от озера Сено, при коем город сей лежит [*Прим. В.Севергина*].

[1] Мнение ошибочно [*Прим. В.Ш.*].

Печатается по изданию: Севергин В. М. Продолжение записок путешествия по западным провинциям Российского государства, или Минералогические, технические и другие примечания, учиненные во время проезда через оные в 1803 году... СПб, 1804. С.133-136.

ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАПИСОК НЕИЗВЕСТНОГО

<...> От Витебска до Могилева. 13-го сентября.

Прибыли мы в губернский город Витебск, разделяемый на две части рекою Двиною, с правой стороны сея местоположение ровное, с левой – весьма крутой берег.

Город сей начало свое имеет от российской княгини Ольги, которая, проезжая в Киев чрез сие место в 914 году, ночевала на горе, где и велела после построить город, и по речке Витьбе назвала Витебск.

В 1240 году польский князь Миндагов выслал своих племянников воевать против князей российских, из коих один взял город Витебск и назван Витебским князем.

Около 1327 года сын Гедиманова князя Литовского Олгерд взял за себя дочь российского витебского князя, с которого взял в приданое все княжество Витебское.

В 1396 году, когда Ватольд вступил на престол княжества Литовского, то Свидригайло из Витебска выгнал.

Потом находился сей город в польском владении до 1772, то есть до присоединения всей Белоруссии к России.

Из сего торгового города весенним временем отправляется в город Ригу разного рода хлеб и проч.

А именно:
Нынешний год отпущено:
ржи – 10000 четвертей;
пшеницы – 7450 четвертей;
конопляного семя – 5457 четвертей;
льняного – 8347 четвертей;
пеньки – 15000 пуд;
табаку – 29600 пуд;
меду – 4330 пуд
и прочая. <...>

«Путевые записки неизвестного о губерниях Лифляндской, Курляндской, Виленской, Могилевской, Витебской и Смоленской с историческими, этнографическими, статистическими заметками и подробными сведениями об экономическом состоянии этого края»
(первая четверть XIX в.)
(ОР РНБ, ф.542, оп.1, ед.хр.797, л.59об-60).

СОДЕРЖАНИЕ

ЖИЗНЬ С. А. ШИШКИНА,
ИЛИ «ЛЮБЕЗНЫЙ МНЕ ГОРОД ВИТЕБСК» 3

ИЗ МЕМУАРОВ С. А. ШИШКИНА 5

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИЗ МЕМУАРОВ Г. И. ДОБРЫНИНА 30

ИЗ «ОПИСАНИЯ ПОЛОЦКОЙ ГУБЕРНИИ С ИСТОРИЧЕСКИМИ И ГЕОГРАФИЧЕСКИМИ ПРИМЕЧАНИЯМИ» 33

ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАПИСОК НЕИЗВЕСТНОГО 35

ИЗ ЗАПИСОК В. М. СЕВЕРГИНА 36

ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАПИСОК НЕИЗВЕСТНОГО 37

Научное издание

ЛЮБЕЗНЫЙ МНЕ ГОРОД ВИТЕБСК...

Мемуары и документы
конец XVIII – начало XIX в.

Составитель **Шишанов** Валерий Алексеевич

Редактор – *А. Шульман*
Корректор – *Е. Гринь*
Компьютерная верстка – *Д. Богорад, А. Фрумин*